

Ты не смутишь и не смиришь неправдой
 Князь дал мне волость — но и ту
 Я кровью выслужил моей!
 И пусть возьмет На божьем свете
 Много места для разгула И много
 Мест, где власть его бессильна⁸

В противоположность чернецу, Григорий убежден, что не он многим обязан князю, а наоборот, князь в долгу перед ним, так как в свое время отрок Григорий спас ему жизнь:

Пусть вспомнит, что говорил мой князь,
 Когда его от страшного, расвирепелого
 Медведя неосторожного я охранил
 Тогда он целовал лобзанием живым
 Он мне поведал: ты мне друг⁹

А теперь все это забыто

Теперь же другу сердце раздробил
 И, жизни не отняв, в обломках
 Самого меня — меня похоронил!¹⁰

Продолжая негодовать на свою возлюбленную, Григорий так взволнован бурными переживаниями, что досадует на самого себя.

Зачем

Не растоптал я брачного венца?¹¹
 И в их крови их¹¹

воскликает он, явно недоговаривая, но, несомненно, имея в виду свой порыв совершить кровавую расправу с Ксенией и с князем. На новый призыв чернеца «Смири себя», Григорий насмешливо и злобно отвечает:

Смири! Когда вытягивают жилы,
 Невольно корча корчит!
 Когда неправдой раздирают слух,
 Невольно кипятится ретивое
 И рвется из груди¹²

Наконец, измученный обуревающими его чувствами, не желая принимать ни пищи, ни воды, отрок Григорий слабеет и на глазах чернеца умирает

Другой образ произведения, тоже находящийся в центре внимания автора, а именно образ тверского князя Ярослава Ярославича, также раскрывается им как внутренне противоречивый. Еще в предисловии автор заметил, что Ярослав Тверской «являлся всегда то обидчиком, то кающимся в посягательстве преступления на честь народа и человека!»¹³

Полон внутренних противоречий он и в самом произведении. Отправляясь на охоту, он видит вещей сон. Ему чудится, что

По воздуху разнесся мрак и жар
 И превратился мир в кипящий океан!¹⁴

⁸ Там же, стр. 102

⁹ Там же

¹⁰ Там же

¹¹ Там же, стр. 103

¹² Там же, стр. 104

¹³ Там же, стр. 111

¹⁴ Там же, стр. 57